

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Константин КАЛБАЗОВ

**РЫЦАРЬ.
ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ**

Роман

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К17

Серия основана в 2004 году
Выпуск 390

Художник
С. А. Григорьев

Калбазов К. Г.
К17 Рыцарь. Царство Небесное: Фантастический роман.—
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 343 с.:
ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1051-4

Как известно, человека, пережившего удар молнии, она одаривает, вскрывая доселе скрытые возможности. Нашему современнику повезло пережить удар молнии, и она его так одарила... Теперь он регенерирует со скоростью ящерицы, обладает абсолютной памятью и может вспомнить все, что только видел или слышал с младенческого возраста, а еще... Его выбросило в неизвестный мир, в котором царит Средневековье, но люди не являются хозяевами этого мира, они здесь только гости. Перед Андреем Новаком встает насущный вопрос: как выжить?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1051-4

© Калбазов К. Г., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Глава 1 МОЛНИЯ

Было еще не поздно, однако уже начало темнеть, и Андрей вынужден был включить фары, чтобы не поймать лишнего ухаба на разбитом асфальте. Однако дорога была в столь плачевном состоянии, что колеса старенькой «шестерки» то и дело ухали в провалы, жалобно скрипя сайлентблоками и заставляя грохотать весь корпус. Народная марка автомобиля с семидесятых годов, вот уже более тридцати лет, считалась самой мягкой и сбитой машиной российского автопрома, уверенно занимая лидерство среди автомобилистов среднего достатка, однако о машине Андрея сказать этого было нельзя. «Ласточка», как он ее именовал, уже давно требовала ремонта, но на это, как всегда, не было денег — хватало прорех и дыр в семейном бюджете, которые постоянно приходилось затыкать.

Прислушиваясь к неприятным звукам, издаваемым бедным авто, Андрей понял, что, как ни тяжело сейчас, но придется выкроить немного средств для приведения в порядок хотя бы ходовой. В настоящий момент его многострадальная «шестерочка» была попросту в аварийном состоянии, и откладывать ремонт на потом уже не было никакой возможности.

«Либо ты разоряешься на запчасти и лезешь под нее — либо ставь на прикол. И желательно уже сегодня, — поймав очередной ухаб и услышав дробный грохот, подумал он. — Ну да ладно, потерпи, красавица, никак сегодня не получится, сегодня нужно еще немного поработать. Черт, опять яма. Артур, зараза, и что у тебя за раздолбанная такая улица!»

Двоюродный брат позвонил совершенно неожиданно и попросил его приехать, так как ему необходима была помощь Андрея, и срочно. Вопрос, как выяснилось, действительно был горячим.

История имела давние корни — еще с лихих девяностых. В те годы в их небольшом городишке то и дело гремели выстрелы и взрывы, унося из жизни то блатных, то прибалтненых, а то и вовсе случайных людей, оказавшихся не в том месте и не в то время.

Андрею «повезло» устроиться на работу в милицию именно в это развеселое время. Он бы, конечно, не совался в эту структуру, напрочь прогнившую и вызывающую у него только позывы к рвоте, но тогда он еще не представлял всей картины, да и некуда было ему податься.

Он был офицером-пограничником, и можно сказать, вполне перспективным. Однако его угораздило выпуститься из училища именно в самый разгар развала СССР, а значит, на своей шкуре прочувствовать все прелести воинской службы — с задержкой заработной платы, набором в когда-то элитный род войск наркоманов и судимых, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Уволившись из армии и не найдя себя на гражданке, он стал думать: куда податься и как жить дальше, благо хотя бы с жильем вопросов не возникало — отцовский дом был вполне просторным. Вот так и вышло, что он не придумал ничего лучшего, как устроиться на работу в милицию, где и проработал участковым без малого двенадцать лет, а как только выслуга позволила, то год назад ушел на пенсию.

Так вот, в девяносто пятом году в маленьком городке противостояние достигло апогея: группировки вооружались кто чем и как мог. Надо заметить, недостатка в оружии не было: в армии был такой бардак, что отчаявшиеся военные торговали оружием направо и налево и зачастую не столько наживались на этом, сколько добывали средства на прокорм семей.

Артур в то время работал водителем у одного из авторитетов города, и тот решил сделать дома у своего водилы схрон с оружием — так, на всякий случай. Артур по понятным причинам отказать ему не смог: работу терять не хотелось.

Так и вышло, что в палисаднике у брата Андрея оказался

маленький склад оружия, а так как единственный человек, который о нем знал, кроме Артура, был вскоре убит, то все это богатство оказалось в распоряжении водила ныне покойного авторитета, но вот что с этим богатством делать — Артур не знал.

Об этом он рассказал Андрею, и тот, недолго думая, предложил вывезти оружие за город и закопать его в лесу. Артур был с этим согласен, так как связываться с добровольной выдачей не желал, да и Андрей не советовал ему этого делать. Одно дело сдать незарегистрированную охотничью двустволку и совсем другое — несколько стволов боевого оружия. Да в Андреева брата вцепились бы мертвой хваткой, а если бы стволы оказались еще и грязными, то есть засветились в каком-либо убийстве, а вероятность этого была вполне реальной, то Артуру были бы полные вилы. Но, как водится, мероприятие все время откладывалось на потом, а затем этот факт как-то поистерся в памяти.

Так этот склад и пролежал в земле более десяти лет. Ситуация в стране стала более или менее устаканиваться, Артур, работая на стройке, вполне прилично зарабатывал и уже пару лет как подумывал о том, чтобы построить баньку. Наконец он решил осуществить задуманное, но так как хотел устроить приличную сауну с бассейном, то пришлось рыть небольшой котлованчик. И надо же было ему забыть о припрятанном оружии.

О нем он вспомнил, только когда полез в вырытую экскаватором яму, чтобы выкинуть осыпавшуюся землю. Вернее, схрон сам о себе напомнил, когда часть края котлована осыпалась, обнажив боковую стенку одного из ящичков.

Трясаясь как осиновый лист, Артур поспешил позвонить Андрею, вопия о помощи. Оставить брата без поддержки Андрей никак не мог хотя бы потому, что тот, в свою очередь, не раз и не два помогал ему, не считаясь ни со временем, ни с трудностями.

Наконец, проскрипев тормозными колодками, машина остановилась перед воротами частного дома. Словно ожидая этого сигнала, створки ворот тут же раздались в стороны, и в свете фар возник Артур. Отойдя в сторону, он махнул рукой, призывая заезжать во двор, и, едва авто проскользнуло внутрь, брат суетливо прикрыл ворота.

— Ну показывай, где тут твое богатство, — преувеличенно бодрым тоном проговорил Андрей.

— Все бы тебе прикалываться, а у меня поджилки трясутся. Надо быстрее вывозить, пока жена не вернулась: у нее уже двадцать минут как смена закончилась.

— Ну ладно, где они хотя бы?

— Да вон два ящика. — Артур махнул рукой в сторону стоявших у забора двух оружейных ящиков. — Весь взопрел, пока их выволок.

— В багажник они не войдут, — хмуро заметил Андрей.

— Знаю. — Артур деловито открыл заднюю дверь и сноровисто начал расстилать на заднем сиденье невесть откуда взявшиеся два старых покрывала.

— Э-э, ты чего? Не хрен им делать в салоне, — догадавшись о намерениях брата, начал возмущаться хозяин много-страдального авто.

— А что ты предлагаешь? — продолжая свое занятие, поинтересовался Артур.

— Да вытащить все это хозяйство из ящиков и свалить в багажник.

— А ящики?

— Да мало ли армейского барахла сейчас у людей в хозяйстве.

— Мне этого богатства не надо, — закончив расстилать покрывала, резюмировал Артур. — Давай, грузим.

— Ну дай хотя бы взглянуть на твое добро, кладоискатель ты наш.

— Некогда. Ленка вот-вот вернется.

С этим спорить не хотелось. Лена — та еще штучка, сует свой нос во все дырки, а потом еще и треплет языком где ни попадя. Нет, видеть ей это совсем не обязательно. Сноровисто подхватив ящики, братья быстро впихнули их на заднее сиденье и накрыли старым одеялом. Артур открыл багажник, чтобы сложить туда лопаты, и, взглянув в него, злорадно улыбнулся.

— В багажник, говоришь?

— А, блин, я и забыл совсем: мать просила сестре картошку завезти.

— Ладно, проехали.

В багажник поверх двух мешков с картошкой упали две

штыковые лопаты с укороченными черенками — и все, можно трогать.

Однако человек предполагает, а бог располагает. Именно в этот момент калитка открылась, и во двор вошла Елена прекрасная — между прочим, не в переносном смысле. Лена выглядела на все сто: несмотря на рождение двух детей и балетовский возраст, она была все так же плотно сложена, как и в день знакомства с братом, но без какого-либо намека на полноту, и это все было достигнуто без мазохистских занятий фитнесом или изнурительных диет — просто матушка-природа взяла под крыло эту красивую женщину, несмотря на то что уж она-то ни в чем себе не отказывала.

Привычным и довольно изящным движением Лена откинула за спину прядь длинных пепельных волос и, склонив голову немного набок, озорно улыбнулась:

— Ой, мент. Привет.

— Не мент, а заслуженный пенсионер Юга России.

— Ну, насколько мне известно, в вашей конторе бывших не бывает.

— Это точно, тогда я буду первым, так как полностью абстрагировался от этой прогнившей организации.

— Ага, а пенсионным удостоверением перед носом гаишников махать не забываешь. Они-то, бедолаги, думают, что свой, а налицо вражина.

— Ну они ведь маскируются под честных служаек, так почему же и мне не подыграть им? Ладно, Лен, мы тут с Артуром ненадолго отъедем. Срочное дельце нарисовалось, через час верну твоего благоверного.

— А что это у вас за дела? — осматривая машину и не находя ничего предосудительного, поинтересовалась она. При этом Андрей добрым словом помянул свою бывшую работу, так как именно из-за нее он в свое время затонировал стекла, как говорится, в клам, поэтому рассмотреть, находится ли что-нибудь внутри, Лена попросту не могла. — Нет, Андрюша, на этот раз без Артурчика. Нас пригласили на день рождения. Так что у нас время только переодеться.

— Лен, да мы мигом, и часа не пройдет, — попытался спасти ситуацию Артур, но нарвался на такой выразительный взгляд, что Андрей понял — скандал будет, а вот толку из

этого не выйдет. Скандалить Лена могла самоабвенно и по долгу, и остановить эту стихию не было подвластно никому.

— Ладно, Артур, в следующий раз.

— А как же...

— Потом, Артур, потом, — не дав договорить брату, заключил Андрей. Ох как не хотелось возиться с этими ящиками одному, но, видно, все же придется.

Запустив двигатель, он выехал со двора и направился к концу улицы, выходящей в поле. Этот район стал застраиваться только в девяностые и не был популярным, так что полноценно была застроена только улица, на которой жил брат, а буквально через сотню метров начиналось поле. Впрочем, его лучше было назвать пустырем, так как эта земля уже давно забыла, что такое плуг.

Объехав по полевой дороге жилой квартал во избежание встреч с ДПС, Андрей направился к дороге, ведущей в соседний поселок. Не доезжая до поселка бывшего совхоза, он рассчитывал свернуть опять на полевую дорогу и взять в сторону небольшого лесного массива. Было там одно неприметное местечко, где он и хотел закопать опасный груз.

Но, видно, день или, точнее, вечер был не его. Едва он свернул на асфальт, как сзади засверкали проблесковые маячки, затем зажглись фары, и патрульная ДПС погналась за ним. Да-а. Что такое не везет и как с ним бороться. Убегать бесполезно, только хуже будет — тогда дэпээсники точно не отвяжутся. Они иногда устраивали засаду в этом месте, высматривая крадущиеся по полям авто, так как зачастую этим путем пользовались недобросовестные водители, употребившие горячительное, а потом влезшие за руль. Начни убегать — и они уверятся в том, что это их добыча желает ноги сделать, а что такое пьяный за рулем для ГИБДД, объяснять не надо. Клондайк.

Решив действовать на опережение, Андрей, не дожидаясь команды, включил поворотник и остановился на обочине. Вскоре к нему подошел инспектор, и Андрей, стараясь держаться спокойно, протянул ему свое пенсионное удостоверение.

Этих ребят он не знал, так как служивые были не из городского отдела, а из районного. Но с другой стороны, риск был минимальным, пенсионное всегда прокатывало на раз.

— Андрей Михайлович, а что по полевым-то дорогам? — возвращая удостоверение, поинтересовался лейтенант.

— А ты по Западной давно ездил? — едва справляясь с волнением, проговорил Андрей.

— Да мы-то районные.

— А ты съезди, может, повезет и подвеска уцелеет.

— А везете что?

— Оружие, — ухмыльнувшись ответил Андрей. Он давно уже заметил за собой, что всякий раз в серьезной ситуации испытывал страх, но стоило событиям начать свой ход, как становился собранным и напористым. По-другому было попросту нельзя. Всякий раз, идя на очередную хату на своем участке, он испытывал страх и шел только потому, что это была его работа и, если хотите, долг. Каждый раз, входя в притон, он трясся как осиновый лист и злился на себя за это безмерно, но стоило ему предстать перед обитателями этих мест, как страх загонялся им куда-то внутрь и продолжал скулить откуда-то из недр души, а сам Андрей, заведенный и науськанный самим собой, преображался и представлял перед братией во всей своей несокрушимости и самоуверенности.

— А просто ответить нельзя? — обиженно зыркнув на водителя, проговорил инспектор. — Мы ведь на службе.

— Ладно, не заводись, лейтенант. Открыть багажник? — Андрей открыл свою дверь, намереваясь выйти из машины.

— Не надо. Езжайте. Счастливого пути.

— И вам удачи.

«Вот, блин, слуги народа и его же наказание. А ведь могли по медальке схлопотать за обезвреженного оборотня в погонах, пардон, пенсионера. Ладно, проехали», — нервно ухмыльнувшись, подумал Андрей.

Однако на душе было отчего-то погано. Он прислушался к своим ощущениям, но никак не мог понять, что его так тревожило. Это ощущение, когда внутри постоянно пробегал холодок то вверх, то вниз, у него появилось еще в училище и ни разу не подводило; а значило оно, что его, то есть Андрея, поджидают какие-то неприятности. Но что могло случиться? Еще один экипаж ГИБДД? Даже не смешно. Районным и так жилось не столь вольготно, как их коллегам в городе, и при том потоке транспорта, что они имели, стоять на одной дороге двум экипажам попросту нерентабельно. Погода?

Тоже мимо: небо было звездным, при полной луне, ни клочка облаков. Хотя для Кавказа это не показатель — все может поменяться в десять минут, а тогда уж можно и застрять.

Ехать в принципе было недалеко: не далее трех километров по трассе вбок отходила грунтовка, которая вела в лес, куда любили выезжать на пикник и городские, и районные. Приметное такое место на берегу небольшой речушки, выходящей по берегу лесного оврага с вполне приличным для проезда автомобилей проселком.

Не доезжая до этого места примерно с полкилометра, Андрей свернул влево, на давно уже заброшенный проселок, который угадывался только благодаря тому, что в бывшей колее трава была пореже, нежели вокруг. Когда-то эта дорога вела к домику лесника, от которого сейчас не осталось и следа, разве только яма на месте бывшего погребца — собственно, в нее-то он и собирался выгрузить ящики, а затем прикопать сверху.

Насчет того, что их сможет кто-нибудь обнаружить, он не переживал. Была уже поздняя осень, так что даже на пикники люди перестали ездить, а в эту сторону тем паче.

Неизвестно было, с чего все началось, но люди старались избегать этого места с незапамятных времен. Вообще-то объяснить такого предубеждения тоже никто не мог. Ходила молва, что место это нехорошее, но чем оно не нравится, никто бы не ответил. Сказать, что люди здесь пропадали, — так не было этого, гиблым место также не назовешь, ни о каких странных смертях или болезнях, связанных с ним, никто ничего не рассказывал. Но вот еще от пращуров повелось, что место нехорошее, и все тут.

После того как власть взяли Советы, среди народных масс шла сильная агитация и против религии, которая «опиум для народа», и против примет и народных поверий. Так что если и переговаривались об этой полянке, то по-тихому. А там и поколение атеистов подоспело.

В пятидесятых на полянке поставили ведомственный домик, принадлежащий новому лесничеству. Но не приживались здесь работники, переводились или увольнялись. Длилось это не один год, пока здесь не поселился один мужичок: пропойца редкостный, за лесным массивом он смотрел, прямо сказать, плохо, но зато штатная единица забита — и ла-

душки. Лет десять назад он скончался. К тому времени на никому не нужный домишко все уже давно наплевали, и он разваливался.

Место оно конечно, нехорошее, да кто же откажется от дармовых строительных материалов? Вот и разобрали строение до основания. А после этого в ту сторону никто и не ходил. Незачем стало, да опять же заветы стариков стали вспоминаться и все сильнее приживаться в народе.

Вскоре проселок юркнул в лес, и в свете фар на «дороге» то и дело появлялись молодые деревца подлеска. Препятствием они были никаким, и Андрей с легкостью пропускал их под днищем «шестерки», слыша, как молодые и гибкие ветки скребут по корпусу авто, — посадить царапины на кузов он не боялся, там уже пробу ставить было некуда.

«Блин, накаркал. Ветер-то нешуточный налетел, вон деревья как пригибает. А вот и тучки в просветах замелькали. Может, ну его, выброшу ящики прямо так, и деру...»

Однако, сделав на лице кислое выражение, эту мысль отбросил быстро и бесповоротно. Хотя он и не любил своего бывшего министерства, а от сослуживцев, с которыми не был дружен, попросту абстрагировался, он был именно ментом, а потому все его существо было против того, чтобы практически на виду оставить оружие, которое мог найти любой и использовать как угодно. Для себя он даже решил, что по весне сам же и найдет это оружие и сдаст органам. Того, что его будут сильно трясти, он не боялся, так как знал, что ему ни черта не сделают: чистой воды добровольная выдача, и все тут. Нашел. Как-как, каком кверху. По весне уже никаких следов, которые позволили бы связать его и Артура с этим оружием, не останется.

Наконец лес расступился, открывая взору небольшую, диаметром около пятидесяти метров, поляну. Ветер усилился, и небо быстро затягивали облака, несущиеся, словно подгоняемый волками табун лошадей. Андрей понимал, что у него еще есть с полчаса, а этого времени ему должно было хватить, но только ощущение неминуемой беды все усиливалось.

Вывернув руль, он направил авто к противоположному краю поляны, где в свете фар темным провалом угадывалась яма от бывшего подвала. Он решил доехать до середины по-

ляны и там, остановившись, проверить на надежность дальнейший путь, чтобы как можно ближе подобраться к краю ямы: ящики, что ни говори, были тяжеловаты.

Он уже намеревался остановиться, когда днище машины заскребло по какому-то земляному холму, не иначе кротовой куче, и тут все вокруг озарила голубая вспышка. Андрей успел повернуть голову в сторону бокового окна, стекло которого было опущено, и словно в замедленной съемке увидеть, как к нему приближается ветвистая ломаная голубоватая молния и что главный ствол этой самой молнии направлен ему точно в лоб. Он видел, как одновременно с главным стволом отростки молнии ударили в многострадальную «шестерку». Он даже успел мысленно возопить что-то нецензурное в отношении кавказской погоды, родственников гроз и близких молнии. А потом не осталось ничего. Ни боли, ни света. Ни-че-го.

Глава 2 ДРУГАЯ ПЛАНЕТА?

В голове стоял сплошной гул, словно кто-то от души саданул по медному колоколу и тот отозвался малиновым звоном на одной тональности, никак не желая утихать и продолжая гудеть, до зубной боли проникая в голову и порождая вибрацию, которая вот-вот разорвет череп.

Не открывая глаз, Андрей припомнил, что так хреново ему было только однажды. Он тогда был командиром роты — весьма молодым, надо заметить. Тогда к нему в роту перевели старого и прожженного прапорщика Бдикова Сигиндыка Усингалиевича на должность командира взвода. Каким старый вояка был командиром, Андрей еще не понял, но сразу осознал, что пить этот казах мог часто и помногу.

Как-то, схлестнувшись в очередной раз со своим взводным, Андрей пошел у него на поводу и стал на равных хлестать неразбавленный спирт; и умудрились они на двоих приговорить ровно два литра популярного в начале девяностых спирта «Рояль». Пили вдумчиво и практически всю ночь, а наутро как ни в чем не бывало заявили на службу и приступили к своим обязанностям. Хотя тем, кто общался с ними,

приходилось каждый раз бороться с неодолимым желанием закусить. Что и говорить о том, что молодой лейтенант всячески старался не потерять лица, и это ему вполне удалось, но как же ему тогда было хреново... Ну наверное, как сейчас.

Собравшись с силами, он наконец с большим трудом сумел приоткрыть веки и тут же сильно зажмурился от хлынувшего потока солнечного света, породившего новую волну боли. Из груди вырвался страдальческий стон, а затем, вновь потеряв сознание, он завалился набок.

Когда очнулся, гул в голове несколько поутих, стало немного легче. Он вновь попытался открыть глаза. На этот раз свет не резанул по глазам, но увидеть, кроме мутной пелены, он ничего не сумел. Однако добавилось что-то новое, и это его радовало еще меньше: все тело словно затекло. Состояние было сродни тому, когда руку или ногу хватает судорога, а затем начинает отпускать, причиняя тягучую, ни с чем не сравнимую боль. Вот именно такое ощущение сейчас и охватило Андрея, но только болела не какая-нибудь часть, болело все тело, каждая мышца, каждая жилка, каждая косточка. И тогда он завыл. Завыл на одной ноте, сам страшась своего воя и не в силах остановиться:

— Ы-ы-ы-ы!!!

Наконец его начало отпускать, боль постепенно отступала, а судорога ослабевала, позволяя расслабиться. Пелена с глаз сползла, и он понял, что лежит на боку, завалившись на переднее пассажирское сиденье, упершись головой в обивку двери.

— Су-ука. Твою-у ма-ать. Бо-ольно-о, — роняя на сиденье тягучую слюну и поток слез, сумел простонать он.

Сколько Андрей так пролежал, стеная и проклиная все на свете, определить он не взялся бы, но, как говорится, всему есть свой предел. Постепенно боль отступила и стала вполне терпимой. Во всяком случае, каждое движение не причиняло непередаваемой боли. Взяв наконец себя в руки, Андрей сумел подняться и занять вертикальное положение. В глазах на мгновение потемнело, но тут же отпустило. Он попытался пошевелить рукой, и это не причинило особого дискомфорта, он утер рукавом куртки натекшую на подбородок слюну и слезы. Требовалось выйти из машины, так как боль вроде и

поутихла, но онемение никуда не делось: необходимо было срочно размяться.

Потянув за ручку, он услышал привычный, характерный щелчок замка, и дверь легко распахнулась от незначительного толчка. Затем, приложив немалые усилия и опираясь обеими руками на дверцу, он сумел извлечь из кабины свое многотрадальное тело и буквально повис на распахнутой двери. Было больно, но терпимо — ничего общего с тем, что он испытывал еще совсем недавно. Вместе с тем он почувствовал, что по мышцам бодро заструилась кровь, вызывая уже только легкое покалывание.

Он простоял так, ни о чем не думая и только прислушиваясь к ощущениям своего тела, несколько минут. С каждым толчком крови, отдающимся в висках, он чувствовал, как начинают оживать разные части тела.

Наконец до него дошло, что он уже вполне способен нести свое тело самостоятельно, и даже начал переминаясь на месте. Осознав это, он наконец отпустил дверцу и сделал несколько пробных шажков, двигая руками, плечами, поворачивая и немного наклоняя в стороны, вперед и назад торс, вращая головой, чтобы размять шею.

Примерно через полчаса такой незамысловатой гимнастики Андрей вдруг понял, что тело больше не отзывается болью, куда-то пропала и уже привычная колющая боль в правом колене от начинающего развиваться ревматизма.

Рука сама собой потянулась, чтобы привычно пригладить волосы. Он провел пятерней по голове и тут же отдернул руку, недоумевающе глядя на нее. На ладони осталось несколько скрученных опаленных волосков.

— Твою мать!

Новак резко крутанул боковое зеркало, едва не вырвав его из гнезда, и посмотрел на свое отражение. Да-а, нечего сказать, хорош. Словно кто-то прошелся паяльной лампой по голове и лицу: не было ни бровей, ни ресниц, ни усов. На месте шевелюры имелись только скрюченные останки. Лишь сейчас он вдруг ощутил резкий запах паленых волос, но, как ни странно, ожогов не наблюдал, только на лбу розовое пятно подживающей раны диаметром не больше трех сантиметров.

И тут он вспомнил все. Себя в машине на лесной поляне, резко ухудшившуюся погоду, начинающуюся и столь неха-

рактерную для этого времени года грозу, молнию с поразительной, завораживающей медлительностью приближающуюся к нему и бьющую его в голову. От воспоминаний его бросило сначала в жар, а затем в холод, и он покрылся липким и противным потом.

— Это что же получается, меня шандарахнула молния, да еще и точно в лоб. Да мне ведь кранты должны были прийти. Это же какой разряд!

Нет, он, конечно, видел передачу про тех, кого ударила молния, а одного америкоса так и вовсе била на протяжении жизни несколько раз, тот даже переехал куда-то, где осадков практически не бывает, но его и там ударила очередная молния. Еще там говорилось, что всех, кто пережил удар молнии, та словно чем-то одаривала или вскрывала скрытые резервы организма и инициировала необычные способности. Интересно, Андрей теперь будет экстрасенсом, целителем или провидцем? Ага, щаз! Жив — и то слава богу. Кстати, того америкоса молния ничем так и не одарила. А может, она обиделась на то, что не оказалось у него никаких способностей, и продолжала его долбать, чтобы до чего-нибудь достучаться?

Сам того не замечая, он беседовал сам с собой, очищая с помощью носового платка лицо и голову от сгоревших остатков волос; да-а, видок был тот еще. Критически осмотрев корочку ранки на лбу, он подцепил ее ногтем и слегка потянул, та легко подалась и отслоилась от кожи, не причинив ни боли, ни неудобств, оставив после себя молодую розовую кожу, словно с момента получения ожога прошло никак не меньше недели, а то и двух.

— Да-а. Похоже, молния меня все-таки одарила. Вон как на мне все заживает — пожалуй, вскрылись небывалые регенерационные способности. Ну не могло меня шандарахнуть больше суток назад: вон как крутило, когда в себя пришел, — не имея другой аудитории, продолжал он общаться сам с собой. — Ну что же, это, конечно, не экстрасенсорные способности, но тоже хорошо, вон и колено не болит, а уж с этим я в последнее время и просыпался, и спать ложился.

Ухмыльнувшись, он решил наконец заняться тем, для чего, собственно говоря, и отправился в эту проклятую поездку. И тут он вдруг явно почувствовал, что что-то не так. Да что почувствовал — он явно это видел. Ну нет в их регионе

таких лесов, на поляне которого он сейчас стоял. У них росли ясень, дуб, осина — в общем, лиственные леса, а стоял он посреди светлого сосняка, какой видел только в Архызе: стройные сосны и ели возносились на высоту в полтора-два десятка метров. В общем, не было такого леса ближе двухсот километров от города. Потом он обратил внимание на сочный зеленый цвет невысокой, только начавшей рост травы, словно и не октябрь был вовсе, а самый разгар весны.

Несколько минут он стоял совершенно неподвижно, словно окаменел, затем, энергично тряхнув головой, подошел к ближайшей ели и, взяв в руки одну из веток, внимательно осмотрел ее. Так и есть — на концах веток наблюдались молоденькие и еще совсем мягкие иголки. Значит, все же весна. Но ведь этого не может быть.

В растерянности он стал осматриваться вокруг, стараясь найти хоть какое-нибудь объяснение происходящему, но не находил его. Разве только молния телепортировала его куда-то... Но как же быть с весной? А может, в Южное полушарие? А растут ли в Южном полушарии сосны? Бред, конечно же растут. Тогда понятно, почему весна, но как могло его телепортировать? В принципе матушка-природа еще и не такие коленца способна выкидывать, иди объясни их все, ученые вон сколько бьются над изучением природы молнии — и ни черта не объяснили. Ну то есть они выдвигают различные теории и гипотезы, но вот точно утверждать никто ничего не может.

И тут произошло нечто, убедившее его в том, что оказался он если и в Южном полушарии, то уж никак не на Земле. Нет, он, конечно, астрономией никогда не увлекался и из школьного курса помнил только созвездие Малой Медведицы, которую каждый раз с большим трудом находил на небосводе. Но он точно знал, что луна может повстречаться с солнцем только на рассвете, да и то летом, но не посреди дня, а еще он знал, что луна не может выглядеть такой большой. Этот же спутник, выплывающий из-за крон деревьев на вершине горы, был настолько близок, что на его поверхности невооруженным глазом можно было рассмотреть выделяющиеся бледно-серым цветом кратеры.

Это не могло быть правдой. Это какой-то глюк — надо заметить, качественный глюк, с сочными красками и множест-

вом мелких деталей, как смешанный запах зелени и хвои, опьяняюще шибяющий в голову. А еще странный тем фактом, что боль он ощущал довольно реально, — это он понял, саданув сам себя в челюсть.

Осознание того, что он находится не на Земле, повергло его в полную прострацию. Ничего не соображая, он опустился на отдающую, несмотря на теплый солнечный день, стылым холодом землю и так замер, словно истукан. От страха под ложечкой засосало так, что невольно вспомнился случай, когда на него безоружного бросился один отморозок с ножом. Тогда Андрей сам себя уже похоронил и за те мгновения, пока парень приближался к нему, успел вспомнить всю свою недолгую жизнь; а много ли вспоминать, когда тебе едва исполнилось двадцать пять? Как выяснилось, много. Но он-то испугался, а тело сработало на автомате, и нож, выбитый ногой, отлетел далеко в сторону, а тогда уже пришел черед ярости. Его едва оттянули от уже не подающего признаки жизни буяна. Благо пронесло — сломанная рука и челюсть не в счет: паренек, протрезвев, даже и мысли не допускал о заявлении на избившего его. Андрей решил тоже не усугублять, а потому тот случай замялся сам собой. Вот тогда у него сосало под ложечкой так, что едва не вывернуло наизнанку. Нынешние ощущения были один в один с теми.

Просидел он в таком состоянии довольно долго, сколько именно — не взялся бы определить, но не меньше нескольких часов. В себя же его привело просто-таки громогласное урчание в животе, да и под ложечкой засосало с такой силой, что его попросту затрясло. Земля это или нет, но организм недвусмысленно требовал пищи, и немедленно.

— Вот еще беда. Где же взять пожрать-то? — опять начал он рассуждать вслух. — На землю обетованную эти места непохожи, и булки на деревьях не растут.

Он наконец стал осматриваться более внимательно. Поляна была овальной формы, довольно большой — примерно двести на сто метров — и находилась на склоне какой-то горы, который плавно понижался к северу. На юге он постепенно становился все круче, и деревья забирались выше и достигали вершины горы, а вернее, цепи вершин, проходящих, насколько видел Андрей, с востока на запад, а если точнее, то гряда имела форму подковы с открытой стороной в южном

направлении. Откуда он знал, где какие стороны света? А по мху на деревьях определил. Откуда он это так хорошо помнил, что на автомате сумел сразу же сориентироваться? А черт его знает, знал — и все тут. С горы вилась небольшая бурная речушка, но неподалеку от того места, где был Андрей, русло раздавалось вширь, и речушка мелела окончательно, замедляя свой бег, весело журча по гальке отмели между разбросанными валунами. К концу поляны русло вновь сужалось и терялось среди деревьев, где, как было видно, начиналось небольшое ущелье. Рассмотреть точнее сейчас не представлялось возможным из-за лесных великанов.

Итак, первичный осмотр был проведен, но это ни на миллиметр не приблизило Андрея к решению задачи по восполнению израсходованных калорий. И тут, весело улыбнувшись, Андрей подскочил к багажнику и сноровисто откинул крышку. Ну конечно, куда же они могли подеваться — да никуда, если машина тут. На него весело глянули два мешка с картошкой, которую он так и не довез до сестры.

Он быстро набрал сушняка и развел костер, при этом порадовавшись тому, что, как ни настаивала его жена, он бросить курить так пока и не собрался. Вот и ладно, не то пришлось бы морщить лоб в решении задачи по добыче огня. Когда костер прогорел, Андрей закинул в кучу горячих углей несколько картошин, выбирая не особенно крупные, чтобы пропеклись побыстрее.

Наконец голод был утолен. Правда, напрягало отсутствие соли, ну да нельзя получить все и сразу. Оно конечно, не так вкусно и совсем непривычно, но зато брюхо набито вполне основательно, и он буквально ощущал, как изголодавшийся желудок набросился на столь желанную пищу.

Теперь пришла пора переходить к другой проблеме, а именно — к проблеме выживания. Кто населяет эту планету — непонятно, но вот в том, что здесь найдутся те, кто захочет ему сделать больно, он не сомневался. А значит, нужно озаботиться своей безопасностью. Он мысленно возблагодарил Господа за то, что если все это и произошло с ним, то по крайней мере произошло именно сейчас, а не в какое-либо другое время. Так как по меньшей мере вопрос насчет вооружения перед ним не стоял. Оружие у него было, и, судя по весу проклятых ящиков, было его в избытке.

Несмотря на то что с Артуром им пришлось изрядно поднапрячься, прежде чем они загрузили эти ящики, с разгрузкой Андрей справился довольно скоро — попросту выволок их из салона, ничуть не заботясь о том, что посадил несколько царапин на корпус и немного помял дверь. Глупо переживать по этому поводу в такой-то ситуации.

Расположив ящики на траве друг рядом с другом, он вскрыл первый. Под крышкой обнаружили большие черные полимерные мешки для мусора, в которые что-то было уложено, видимо, чтобы предохранить от возможного проникновения влаги. Первым желанием было разорвать мешки и быстро взглянуть на содержимое, но Андрей вовремя остановился: он был не в том положении, чтобы чем-либо разбрасываться, — взять что-то ему теперь неоткуда, а потому ничего не случится, если он немного повозится и развяжет капроновую веревку на горловине мешка, тем более что она предусмотрительно была завязана бантиком. Вот и ладно.

Вытащив все на свет божий, Андрей осмотрел первую часть трофеев. Впечатляет, и весьма. В ящике находились два бронежилета — судя по их виду, в ящик они попали еще вполне новыми, и все титановые пластины наличествовали в отведенных для них карманах, что радовало. Работая в милиции, он часто сталкивался с этим типом броников, но только они — то есть служители закона — постоянно халтурили, вынимая эти самые пластины, преследуя простую и незамысловатую цель — облегчить бронежилеты, чтобы не таскать на себе лишнюю тяжесть. Но здесь ситуация была совсем другой, и он предпочтет потерпеть эту самую тяжесть, мало ли.

Также там наличествовали шесть цинков с патронами к автомату Калашникова калибра 7,62 миллиметра, два цинка с патронами к пистолету «макаров», десять гранат РГД-5 и двадцать гранат Ф-1 с запалами к ним.

Один из цинков его заинтересовал особо. Маркировка на нем была какая-то необычная. Немного поморщив лоб, он вдруг вспомнил, как на занятиях по огневой преподаватель рассказывал им о дозвуковых патронах. Так вот, маркировка была один в один, как говорил подполковник Моторин. К чему бы это?

«Да-а. Ребятки-то не мелочились. Прямо как на войну

упаковались. Так, а что у нас со стволами? Здесь их нет. Посмотрим в другом ящике».

Он быстро вскрыл второй ящик, постоянно прогоняя мысль о том, что и в этом ящике могут оказаться только снаряжение и боеприпасы, а тогда от этого арсенала толку — что от козла молока; хотя можно использовать гранаты, но на одних гранатах далеко не уедешь.

Но едва крышка ящика была откинута, как от сердца тут же отлегло. Внутри находились все те же полимерные мешки для мусора, но в каждый мешок по отдельности были упакованы продолговатые предметы, суть которых была ясна и так, по конфигурации. Там явно находились искомые стволы, вот только соответствует ли калибр? Арсенал-то принадлежит не вояке, мало того — про Артурова шефа он точно знал, что тот в армии никогда не служил, а потому сдуру мог и патроны приобрести не того калибра. Эта мысль постоянно преследовала его, пока он не развязал наконец шнур на горловине и не извлек на свет божий старый добрый АКМ, густо покрытый смазкой.

Сноровисто откинув крышку ствольной коробки и отсоединив пружину возвратного механизма, он извлек затворную раму и критически осмотрел затвор, затем взглянул на ударно-спусковой механизм и только после этого вздохнул с облегчением.

На первый взгляд все было в полном порядке. Конечно, местами проявились следы начинающейся ржавчины, но это не играло принципиальной роли. Автомат был в отличном состоянии, и, судя по всему, на нем и муха не сидела: выглядел он новеньким, не иначе как бывший шеф Артура приобрел его на складе НЗ, а не в какой-нибудь части.

Человек с оружием в руках чувствует себя куда более защищенным. Поэтому Андрей, еще не отдавая себе отчета, быстро извлек, не распаковывая, еще несколько подобных свертков и, найдя мешок, в котором безошибочно угадывались магазины, взял один из них и, вскрыв цинк с патронами, быстро снарядил его. Затем вставил его в наскоро обтертый от смазки автомат и с греющим душу лязгом передернул затвор. Все, теперь он вооружен. Едва осознав это, он понял, насколько боится, находясь один в неизвестном месте. Нет, страх не пропал бесследно, он еще владел им и не отпускал до кон-

ца, но того всеобъемлющего ужаса, которого он все это время старался не замечать, уже не было.

Немного успокоившись и держа заряженное оружие под рукой, он начал осматривать остальные трофеи, доставшиеся ему по воле случая. Каждая находка его несколько вдохновляла и в то же время повергала в безмерное удивление. Нет, шеф Артура явно собирался участвовать в боевых действиях — или, когда подворачивался случай, не мог удержаться и покупал все, что ему предлагали. Впрочем, надо отдать ему должное — хапал он вовсе не без разбору.

В наличии оказались еще два АКМ, один АКМС, один РПК, ко всем стволам наличествовало по четыре магазина и подсумки к ним, к РПК, к радости Андрея, имелись четыре барабанных магазина емкостью по семьдесят пять патронов. Один СКС — самозарядный карабин Симонова, гражданский образец без штыка, но зато с куда более удобным ложем, с оптикой, ну очень серьезной для этого оружия — аж десятикратной, четыремя зарядными планками и подсумком под них. Два пистолета «макаров» с четыремя магазинами и один «стечкин» с тремя магазинами к нему, а также кобуры к ним, все три оперативки. Еще там находились два охотничьих ножа и, подумать только, самая настоящая казачья шашка.

Мелькнула было озорная мысль немного поиграть с клинком, вспомнилось детство и дед по линии матери. Мелькнула и пропала. Не до игрушек. Тяжко вздохнув, он отложил клинок в сторону.

На одном из ПМ Андрей заострил свое внимание особо, так как у того ствол выглядывал из затворной рамы и имел мелкую резьбу. Такое встречалось на пистолетах, которые предназначались для стрельбы с глушителем. Покопавшись немного, он нашел целых два, причем если один из них подходил к «макарову», то второй, судя по всему, предназначался явно для СКС, да и к автоматам вполне подходил.

«Чудненко: покойный явно рассчитывал в случае чего не погнушаться и киллерством из-за угла. Вот и причина наличия дозвуковых патронов обнаружилась. А что это дает нам? А то, что без охоты не обойтись, но не шуметь же на самом-то деле на всю округу, мало ли кто может услышать, а кто тут водится — неизвестно, может, каннибалы. Нет, вещь вполне подходящая и полезная».

Быстро протерев карабин от лишней смазки, он зарядил его, навинтил глушитель и прикрепил оптику. Делая это, он немало удивился, так как СКС он в своей жизни держал в руках только один раз — ради интереса снимал оптику и вновь прилаживал ее обратно, — тогда же владелец карабина, бригадир трактористов, увлеченно рассказывал ему о том, как нужно пользоваться прицелом, как пристреливать карабин и тому подобное. В тот раз он сделал несколько выстрелов, правда, патроны скупердяю Фомину пришлось возвращать сторицей... Андрей и не подозревал, что у него такая хорошая память.

Впрочем, оптику тоже нужно было проверить — мало ли, окажется непристрелянной. Изготовив оружие к бою, он огляделся в поисках достойной цели, а затем, не став сильно заморачиваться, осмотрел сквозь оптику берег речушки, до которого было около ста метров, и, найдя подходящий приметный валун, подвел под одну из выбоин птичку и нажал на спуск. Приклад вполне знакомо толкнул в плечо, хлопок выстрела хотя и был погромче, чем рассчитывал Андрей, но оказался не громче лязганья затвора. Когда после отдачи оптика вновь вернулась на линию прицеливания, Андрей обнаружил, что выбоина на валуне несколько увеличилась, белея свежим сколом.

Что же, предыдущий владелец карабина явно не пожалел ни сил, ни времени, чтобы привести оружие к нормальному бою, и это радовало. Не в положении Андрея было разбрасываться невосполнимыми, в прямом смысле этого слова, боеприпасами.

В это время из леса на дальний край поляны вышли три косули. Самец с ветвистыми рогами, самка с аккуратными рожками и их теленок. В первое мгновение он даже испугался так, что под ложечкой возник противный пульсирующий холодок, но потом при виде этой ходячей мясной лавки Андрей чуть не подавился слюной.

Недолго думая, он быстро вскинул карабин и тут же поймал в прицел самца. Однако выброс адреналина был довольно высок, и руки его дрожали, заставляя ходуном ходить оптику, отчего он никак не мог уверенно взять прицел.

Наконец он опустил карабин, несколько раз глубоко вздохнул и вновь припал к прицелу. Это время дало ему воз-

возможность трезво взглянуть на возникший вопрос. Взрослые особи ему были явно не нужны. Ну что он будет делать с таким количеством мяса? Соли нет. Коптить мясо он не умеет, а так просто перевести продукт — это глупо. Поэтому он поймал в прицел теленка, и на этот раз маркер прицела не выписывал вензелей. Андрей плавно потянул спусковой крючок, и когда после выстрела он обозрел свою добычу, то увидел лежащего на траве и сучащего ногами теленка, улепетывающего во все лопатки самца и самку, устремившуюся сначала следом. Затем она остановилась, неуверенно сделала шаг к детенышу, но, заметив поднимающегося на ноги человека, все же припустила за своим спутником.

— Вот же блин. Напугали до последней стадии развития. Ну да ладно, я не в обиде. Тем более что никто этого не видел. — Подбадривая себя, он доснарядил в магазин недостающие два патрона, после чего направился к своей добыче, которая уже перестала биться и спокойно поджидала его. — Кстати, весьма хреново, должен вам заметить, что этого никто не видел. Честно признаться, я сейчас был бы рад любым насмешкам и издевательствам, — продолжал он разговаривать сам с собой.

На то, чтобы принести теленка к стоянке и разделать, у него ушло не больше получаса. В свое время, в бытность сельским участковым, ему довелось разделать не одного барана, отличий в принципе никаких, так что дело спорилось.

Голод еще не заявлял о себе в полную силу, и потому он решил не издеваться над своим желудком, жаря мясо на костре. Как оно еще сложится, было неизвестно, а потому, если есть возможность, питаться нужно было стараться правильно.

Поэтому он спустился к речке и постарался отмыть вскрытый цинк из-под патронов, так как другой посуды все равно у него не было. Он выбрал на отмели затончик, образованный валуном причудливой формы, словно ковш: вода втекала в него через низкий край и затем, огибая выступающий наружу другой край валуна, продолжала свое течение. На его дне как раз скопилось достаточное количество песка, а за неимением другого он как нельзя лучше подойдет для предстоящей операции.

Неладное он заподозрил, едва коснувшись рукой этого са-

мого песка. Едва его пальцы погрузились в песчинки, как он замер. Что именно его насторожило, Андрей в первую минуту не понял. Быстро отдернув руку, он перехватил карабин, с которым не расставался, и затравленно огляделся. Что его напугало, он сначала не осознал, затем, немного подумав, решил, что это была какая-то необычность, что-то несвойственное происходящему, но что?

Его глаза сами собой опустились к чаше, в которой он попытался зачерпнуть песок.

— Ну и что, песок как песок, — вновь заговорил он сам с собой. — Золотой такой песочек. Стоп, а почему золотой? А почему нет мути? Нет, я, конечно, понимаю — водичка проточная, но муть не могло так быстро вымыться.

Он опять опустил на колено и, опустив руку, зачерпнул полную жменю песка. На этот раз вода замутилась, но самую малость, а вот тяжесть песка и ближайшее его рассмотрение сказали Андрею очень многое.

Старателем он никогда не был, но много чего слышал от знакомых деревенских мужиков, которые работали на магаданских приисках по вахте. Там-то здорово не разгуляешься, только за запах перегара можно было легко вылететь без выходного пособия, поэтому после двухмесячного воздержания они целый месяц отводили душу, не вылезая из запоя больше чем на пару суток. Мужики в принципе не безбашенные и не буйные, нормальные мужики, которым пришлось искать работу у черта на куличках, чтобы содержать семьи, поэтому посидеть с ними Андрей не считал для себя зазорным.

Так вот, как говорится в одной старой поговорке: «На работе — о бабах, с бабами — о работе», — так получалось и с ними. Как только сто пятьдесят падало на грудь, тут же начинались разговоры только о работе на прииске, а так как, бывало, ребята работали на разных приисках, то начинался детальный разбор способов добычи золота и получения конечного продукта.

В общем-то он всегда слушал эти разговоры, уже будучи, скажем так, слегка не в себе, да и особо не прислушивался, а сам в беседу старался не лезть, так как тогда его снесло бы на его ментовскую стезю — что делать, у каждого свое занятие, а значит, и больные темы свои.

Но, как выяснилось, все эти разговоры довольно основа-

тельно отложились в его голове, если он быстро сообразил, что у него в руке самый что ни на есть настоящий золотой песок, вернее, шлик, но, судя по всему, содержание в нем золота было весьма велико. Андрей размял песок в руке и в этой массе нашел четыре тускло сверкнувших самородка, самый большой из которых был с лесной орех. Осмотревшись, он заметил еще несколько заводов и валунов, с помощью которых матушка-природа устроила самую настоящую промышленную колоду.

Он почему-то был уверен, что обследуя он остальные подобные заводы — и найдет там такую же картину, но проверять этого не стал, на нем были еще довольно крепкие армейские берцы, а не резиновые сапоги, так что рисковать не стоило. К чему? Сейчас это золото ему было нужно меньше всего, а заработать простуду было весьма реально.

— «Сбылась мечта идиота: ну вот я и миллионер», — почему-то вспомнились слова Остапа Бендера из «Золотого теленка».

Сдвинувшись немного вдоль берега и найдя нормальный песок, он быстро оттер, насколько это было возможным, свою посуду и, набрав в нее воды, пошел к уже прогоревшему костру. Угли прогорели не все, поэтому огонь он развел довольно споро и водрузил над ним на уложенные рядом два камня цинк, чтобы прокипятить его.

Пока вода закипала, он решил заняться своим арсеналом. Все оружие ему было без надобности, поэтому, оставив АКМС, СКС, «макаров» с резьбой под глушитель и «стечкин», остальное он опять упаковал в мешки, как было, и уложил в ящик. Из ножей оставил только один, а вопрос о том, что делать с шашкой, и вовсе не обсуждался: она также отправилась на прежнее место. Из боеприпасов он оставил цинк патронов к АК и половину цинка патронов к ПМ. Кстати, патроны к пистолетам его удивили, так как были не привычной конструкции со стальным сердечником, а старой модификации, уже снятой с производства, со свинцовым сердечником, пуля была несколько тяжелее, и пробивная способность у нее была повыше. Вероятно, патроны Волков добыл на том же складе НЗ, иначе объяснить наличие этих патронов Андрей просто не мог. Также он отложил четыре Ф-1 и столько же РГД-5 с запалами к ним.

Проведя таким образом ревизию, он приступил к доведению оставшегося вооружения до нормальной кондиции. Оттер от лишней смазки и почистил его. Так как масленки нашлись там, где им и положено быть, в подсумках к магазинам, но были пусты, то он воспользовался вместо ружейного масла моторным. В этом преимущество старых авто: когда двигатель начинает есть масло, то любой уважающий себя автомобилист возит с собой не меньше литра масла на долив. Андрей возил два. Себя-то он уважал, но уважить двигатель ремонтом было для него дороговато, а так как движок еще терпел, то ремонт откладывался на неопределенное будущее.

Так, в заботах по приготовлению пищи, по приведению в порядок своего арсенала, прошло время. Солнце уже клонилось к закату, когда он начал хлебать получившуюся мясную похлебку, приправленную несколькими картошинами. Вариво — оно конечно, получилось вполне на уровне, но только сильно сказывалось отсутствие соли. Ну да на безрыбье и рак рыба.

Облизав ложку, благо таковая нашлась в инструментальном ящике (что она там делала, Андрей так и не понял — возможно, младшенькая, как всегда руководствуясь только ей понятной логикой, определила ее в это место), он откинулся спиной на переднее колесо, после чего со вкусом закурил, отметив про себя, что сигарет осталось только полпачки.

— Ну что, дружище. Сколько раз тебе говорила жена, чтобы бросал курить? Тяжко было, соблазнов много, ну да здесь не соблазнишься. Нету здесь сигарет, и, судя по климату, табачку тоже нема.

Про семью он вспомнил совсем напрасно. Под ложечкой засосало, но не так, как бывало при выбросе адреналина от пережитого страха, а как-то тоскливо, отчего его даже стало подташнивать. Он всегда считал себя мужчиной — да, он был трусоват, но каждый раз находил в себе силы переступить этот страх, — но сейчас Андрей заплакал. Нет, он не ронял молча скупую слезу, он именно плакал. Плакал навзрыд, выворачивая наизнанку душу. Куда он попал и за что ему все это?

Да, он заметил за сегодняшний день, что ни одна из его болячек, которые для него были уже давно привычны — он просто забыл время, когда бы у него что-нибудь не болело, — не

потревожила его. Питался он за сегодняшний день, скажем так, не самым лучшим образом, но привычная изжога не пришла, и мало того, не было уже привычного расстройств живота. Не иначе как молния каким-то причудливым образом исцелила его организм и усилила регенерационные способности. Но зачем ему это здесь?

Все его родные, все то, что он любил, смысл его жизни и то единственное, что останется после него — его любимые дочери, — были там, на далекой и недоступной Земле, а он был здесь. Где? И сам-то он не знал. Поэтому он плакал, не стесняясь даже самого себя, смывая потоком слез все то, что наболело за сегодняшний день. И как ни странно, ему полегчало — не сразу, а как минимум через полчаса, — но полегчало. Жалость к самому себе ушла куда-то, оставив после себя спасительную пустоту.

Утерев в последний раз глаза и в последний раз всхлипнув, он осмотрелся вокруг. Солнце (а солнце ли?) уже скрылось за вершинами гор, дневной спутник также приближался к очерченному горой горизонту, но теперь он стал ярче, отражая солнечные лучи на фоне уже потемневшего небосвода и сам одаривая землю своим бледным светом.

Андрей внимательно посмотрел на появившиеся мигающие звезды и грустно улыбнулся. Нет, он не любил астрономии и, мало того, регулярно пропускал занятия и никогда не учил задаваемого материала, а оценку в аттестат заработал тем, что сумел оказать услугу физику, который и вел у них этот предмет и также считал его абсолютно бесполезным для дальнейшей жизни, — так, для общего развития, не больше.

Но Андрей сотни, тысячи раз в своей жизни смотрел на звездное небо (а кто не смотрел?) и сейчас четко осознавал, что эти звезды не могут быть звездами, которые он знал. Вернее, звезды-то, возможно, были теми же, но нигде он не видел, чтобы они сложились, хотя бы отдаленно, в знакомые созвездия. Откуда он это знал? Ведь он с большим трудом мог найти только созвездие Малой Медведицы. А вот знал, и все тут. Он не просто знал — он помнил расположение всех звезд, которые видел. Откуда? Это вопрос. Возможно, молния всколыхнула не только иммунную систему, но и мозг.

Ученые утверждают, что человек не в состоянии забыть что-либо, что он увидел или услышал, просто эта информа-

ция уходит на задворки памяти, но она записана в мозгу почище чем на жестком диске компьютера. Человек же обходится лишь самой малой долей своей памяти, даже те, кто систематически занимается зарядкой для мозгов, и даже гении используют лишь малую часть от возможностей мозга.

Начало холодать, и Андрей зябко повел плечами. По случаю предстоящего мероприятия по погребению арсенала он не одевался тепло, да и октябрь выдался довольно теплым. На нем был надет армейский камуфляж, армейские же ботинки и бушлат без подстежки и воротника. А в горах с уходом солнца холодало довольно сильно и летом, что уж говорить о весне.

Он попытался запустить двигатель, чтобы прогреть салон, но это былдохлый номер. Приборная панель даже не откликнулась хотя бы слабым свечением — вероятно, молния напрочь вывела из строя аккумулятор.

Разложив сиденья, Андрей закутался в старое одеяло, которым Артур накрывал ящики, и, положив поблизости оружие, лег спать. Как ни странно, сон пришел сразу же. Вот только снов Андрей не видел.

Глава 3 ВСТРЕЧА

Проснулся он на рассвете и, как ни странно, с абсолютно ясной головой. То есть он не задавался вопросом: где он и что с ним случилось, — он все это прекрасно помнил и уже успел смириться с произошедшим. Конечно, в душе сидела тоска, но с этим ничего не поделаешь, это теперь останется с ним навсегда, и он просто принял это как данность. Несомненно, был определенный дискомфорт оттого, что за прошедшую ночь он все же продрог, но с этим пока ничего не поделаешь.

— Ну что же, раз уж мы стали робинзонами космоса, то неплохо бы было выработать план последующих действий. Первое. Надо бы чего-нибудь пожрать приготовить, а по ходу и думать будем.

Он приступил к приготовлению нехитрого завтрака, благо мяса после вчерашнего у него было в достатке. В прошлый раз он обошелся только одной задней ногой. Начав процесс

разделки мяса, заготовки дров и розжига огня, он продолжал разговаривать сам с собой. Он просто не мог иначе, так как ему было необходимо слышать хоть чей-то голос.

— Итак, что мы имеем? А имеем мы самый что ни на есть минимум с одной стороны, но с другой-то — не так уж и мало. Я неплохо вооружен, я бы даже сказал — до зубов. Оно конечно, патроны не бесконечны. У меня сейчас четыре тысячи двести, стоп... уже четыре тысячи сто девяносто восемь патронов к карабину. Почему к карабину? Да потому что, батенька, вам предстоит пользоваться только карабином, автомат — это так, на случай появления врагов, а на зверье — только карабин, оно поэкономичней будет, запаса прочности ствола вполне хватит, при должном уходе. И также мы имеем две тысячи пятьсот шестьдесят патронов к пистолету. Куркуль Волков, ого, а вы и фамилию Артурова шефа, оказывается, помните, да-а, в общем, не купил он, гад, стандартную кобуру к «стечкину», а то бы пристегнули приклад — и у нас еще один карабинчик получился. Та-ак, а теперь еще картошечки почистим. Стоп. Какая картошечка? Вы наблюдаете поблизости рынок или магазины? Вот то-то и оно. Вся картошечка переходит в семенной фонд, и никаких возражений. А какие, собственно говоря, возражения? Весну и лето мы худо-бедно перебедаем, охота, ягоды, грибы, а вот ближе к зиме... Там и до голода может оказаться рукой подать. Нет. Картошка — это стратегический запас, недаром же она вторым хлебом зовется.

Так, ведя беседу с самим собой, он приготовил завтрак. Похлебав наваристый бульон и съев несколько кусков мяса, он вполне насытился. Но с остатками нужно было что-то делать. Днем солнышко припекало прилично, и мясо вполне могло начать отдавать душком.

Как закоптить или завялить мясо, он не знал даже приблизительно, не помогала и вдруг обнаружившаяся феноменальная память — ну не интересовался он этим никогда. Как говорил его преподаватель по тактике в военном училище, «хреново вспоминать, когда не знаешь».

Но знал он абсолютно точно, что запеченное мясо хранится довольно продолжительный срок, а слишком долго ему храниться все равно не придется. Организм требовал пищу регулярно.

Быстро изготовив из веток шампур, он нарезал мясо, и вскоре над поляной поплыл дразнящий аппетит запах жареного. Поддаваться искушению Андрей не собирался. Это был, так сказать, сухой паек, так как сидеть на одном месте он не собирался.

Нет, за прошедшее время в поле его зрения не попало никаких следов цивилизации, но и сидеть на одном месте было тоже неразумно. Построить жилище он еще успеет, он даже знал, из чего приспособит топор. Одна из лопат, положенных Артуром в багажник, была большой саперной и сделана была из куда более толстого металла, чем вторая, представлявшая собой обычную штыковую.

Однако осмотреться вокруг было попросту необходимо. Не то окажется, что он решил устроить робинзонаду вблизи какого-нибудь поселения местных аборигенов, которые на поверку окажутся вполне миролюбивыми. А нет — так какая разница, раньше или позже — все едино придется с ними столкнуться. Сейчас он и смерти-то не боялся, а может, подсознательно и желал ее, в противовес такой вот жизни.

Сельскохозяйственные планы тоже не страдали: судя по всему, у него в запасе была еще пара недель. Вон по утрам даже иней наблюдается. Картофель-то не подморозит, а в землю ему еще рановато. Так что по всему выходило, что нужно было обследовать прилегающую территорию, да и, возможно, нашлось бы куда более пригодное место для жилья. А перенести свои пожитки всегда можно.

Приняв для себя этот план действий, Андрей приступил к подготовке похода. По большому счету, он начал это еще вчера, упаковав все лишнее обратно в ящики.

Выкопав яму, он стащил в нее оба ящика и, забросав землей, выложил сверху предварительно срезанный дерн. Оно конечно, пришлось повозиться, оттаскивая в сторону землю, но рисковать своим арсеналом понапрасну он не хотел. Внешним видом схрона он остался вполне доволен. При детальном осмотре он, конечно, в глаза бросался, но на общем фоне был не так уж и заметен, тем более что копал он немного в стороне от авто, так как уж машина-то в глаза просто лезла.

Вытряхнув прямо в багажник картошку из уже вскрытого мешка, он приспособил к нему лямки, пустив на это дело один из ремней безопасности. Получился эдакий вещмешок,

в который лег его нехитрый скарб, включавший в себя автомобильную аптечку, остатки жареного мяса и пластиковую бутылку из-под нарзана, в которую он на всякий случай набрал воды.

Так за заботами прошел день. Он даже не заметил, как остался в темноте перед горящим костром. Как-то так получилось, что пообедать он не удосужился и сейчас усиленно поглощал то, что приготовил еще утром. На солнце-то было довольно тепло, но бульон с отварным мясом не скисли, предусмотрительно уложенные под днищем машины, куда солнечные лучи никак не могли пробраться.

Покончив с ужином, Андрей, недолго думая, улегся спать. А что было еще делать? Телевидения здесь нет, собеседников тоже не наблюдается. Так что с наступлением темноты и дел-то у него не было никаких, а силы ему завтра еще ой как понадобятся.

Утро ничем не отличалось от вчерашнего. Все так же продрогший, он быстро ополоснулся в ручье, отметив, что на лице значительно подросла щетина, ну да с бритвой он определится как-нибудь потом, а может, и вовсе будет носить бороду. Порадовало его то, что и обгоревшие волосы на голове и лице также дали поросль. Ну не полысел — и то ладно. Зимой-то будет не сахар, и данная природой защита вовсе не станет лишней.

Надев броник и подогнав его, не халтуря, как это бывало в милиции, а вполне серьезно и вдумчиво, как в горах во время первой чеченской, он проверил, не стесняет ли тот движений: есть немного, но вполне терпимо. Так как броня вдобавок еще и грела, да и попотеть предстояло изрядно, то куртка пошла в мешок, тот, в свою очередь, — на законное место, за спину.

На поясе разместились слева — подсумок с магазинами, справа — «стечкин» и охотничий нож. Ремень АКМС со сложенным прикладом — через голову, так чтобы, в случае чего, можно было воспользоваться оружием. Все, готов.

— Как говорится, вперед и с песней, — подбодрил сам себя Андрей и направился вниз по течению речки, к выходу из маленькой долины, образованной подковообразной горой.

Уже когда подходил к нижнему краю поляны, вдруг подумал о том, что сигареты вышли еще вчера, а сейчас почему-то

и курить неохота. Неужели так легко получится завязать с этим поганым делом? Или все дело в том, что мозг давно уяснил информацию о том, что табаку здесь нет, а потому решил не травмировать лишний раз нервную систему. Возможно, причина в том, что молния оказала свое влияние и в этом. Да что бы то ни было, не пухнут уши — и на том спасибо.

За срезом поляны лес начинался сразу же, без каких-либо переходов из отдельно стоящих деревьев. Вот здесь поляна, без единого деревца, а вот здесь уже сплошная стена леса. Радовало хотя бы то, что это был сосняк, и видимость была вполне приличной, что-то около пятидесяти метров.

Чтобы не заморачиваться с маршрутом, решил идти вдоль правого берега реки. По идее, эта река должна впадать в большую, а та в следующую, и так далее по возрастанию. Только бы не начала петлять, как это любят делать все горные речушки, не то придется либо путь увеличивать в несколько раз, либо раз за разом устраивать переправы. Оно конечно, сейчас с этим особых хлопот не было, но, не пройдя и пары сотен шагов вдоль берега, он уже обнаружил два впадающих в Золотую, как он окрестил речку, ручья, а значит, уровень воды хоть пока вовсе и незаметно, но увеличился, дальше могло быть гораздо хуже.

Как говорится, накаркал. Золотая резко вильнула вправо, устремляясь по распадку. А чего еще от нее ждать, вода — не лось, продирающийся сквозь чащу в одном только ему известном направлении, она порядок любит, а потому если есть более пологий путь, то по нему она и пойдет, в горку она только по принуждению может. Чтобы не петлять за руслом, решил двигаться на юг. Общий уклон горы был именно в южном направлении, а значит, и Золотая никуда не денется, делает петлю и вернется.

Хорошо, хоть берега были пологими и не требовали акробатических навыков или особых силовых упражнений. Остановившись на несколько секунд, Андрей ловко запрыгнул на первый валун, лежащий в воде, затем на второй. Третьего не было, и нужно было сделать прыжок метра в полтора, в принципе немного, но вот только не с его весом в сто десять кило, да еще всякой хрени на нем кило на тридцать.

— Эх, Андрей Михайлович, говорила вам супруга: «Займись спортом, посиди на диете, ведь вон толстеешь не по

дням, а по часам», — все отмахивались. Ну что, прыгаем? — Вопрос был риторическим, но молчать было выше его сил, и потому он, тихо бубня под нос, таким образом подбадривал себя.

Прыжок вышел не ахти. Приземлился чуть не на четыре лапы, но не замочил ног — и на том спасибо. А ведь было время, когда он такие препятствия брал с ходу и не задумываясь.

До обеда он успел пройти около пяти километров и переправиться через речушку еще четыре раза. При последней переправе он обратил внимание на то, что речка-то все же в объеме несколько прибавила: сбывались его прогнозы — речушка росла.

Поменялся и характер леса. Постепенно светлый сосняк сменился лиственными деревьями, и видимость резко снизилась — от тридцати до десяти метров, в зависимости от плотности деревьев и подлеска.

Андрей решил уже было пообедать, но тут вдруг услышал какой-то странный звук. Не то хрип, не то рык какого-то зверя, который, не прекращаясь, то усиливаясь, то звуча более приглушенно, раздавался где-то впереди. Если бы хищники умели смеяться, то смеялись бы именно так. Андрей мог с уверенностью заявить, что до источника звука не более ста шагов. Откуда эта уверенность могла взяться у человека, не имеющего опыта лесовика и вообще в лесу бывавшего несколько раз, да и то на пикниках, — он не мог объяснить, но в своей правоте был уверен абсолютно.

Первым порывом было бежать без оглядки. Кто бы ни издавал эти звуки, встреча с ним не обещала ничего хорошего. Между лопатками тут же потек ручеек холодного пота, на лбу выступила испарина. Он уже сделал шаг назад, но тут же остановился.

«Стоять! Телячья немочь! Мать твою! Ты же затеял этот поход, чтобы осмотреться и понять, в каком мире тебе предстоит жить. Или собираешься и дальше шарахаться от каждого шороха? Так и с ума сойдешь. Уж лучше сразу пусть кранты, чем превратиться в полоумную зверушку, может, там какая-нибудь жаба местная забавляется, а ты в штаны готов уже наложить... — Но бодрости эти мысли почему-то не добавили. — Ладно, давай так. У тебя есть оружие, и в случае

чего ты успеешь что-нибудь предпринять. Что, не убедительно? Ну и хрен с тобой, а все одно нужно идти вперед».

Видимость была никакая, но и выбора особого тоже не было. Скинув ремень, чтобы быть поподвижнее, он взял на изготовку автомат, откинул приклад — чай, не командос бить без промаха с руки. Пригнувшись, он направился в сторону звука, внимательно осматриваясь и не забывая поглядывать под ноги, чтобы, не приведи господи, не наступить на какой-нибудь сучок.

Когда он сделал только один десяток осторожных шагов, до него донесся новый звук, который заставил его замереть, словно камень. Это был крик. Именно — человеческий крик. Так кричит очень напуганная и испытывающая сильную боль женщина — именно женщина или даже девушка, ошибиться он никак не мог.

С трудом справившись с охватившим его страхом и стараясь все так же не производить шума, Андрей продолжил путь в сторону раздающихся криков, правда, в них уже не было первоначального надрыва, но крики продолжали раздаваться, теперь к ним стали примешиваться рыдания. Затем он услышал уже знакомые хрипы, похожие на звериный хохот, но только на этот раз он раздавался из нескольких глоток.

«Та-ак. Было плохо, стало еще хреновей. Не один, а несколько. И что это меняет? А ни хрена это не меняет. Все одно нужно идти вперед. Если там действительно женщина, то, значит, здесь есть люди, а если это так, то она тебе просто необходима как источник информации. Значит, придется биться».

Сделав для себя этот малоутешительный вывод, Андрей быстро сбросил «вещмешок». Раз уж придется биться, нужно обеспечить максимальную маневренность, коей мешок будет однозначно мешать.

Держа оружие на изготовку, он двинулся дальше, осторожно раздвигая листву деревьев. Звуки все приближались. Женщина уже не кричала, только подвывала сквозь рыдания. Судя по звуку, это было уже рядом.

В последний раз разведя листья стволом автомата, Андрей увидел перед собой небольшую округлую, не больше пятидесяти метров в поперечнике, полянку, на которой кучкой сидело около десятка людей, по виду связанных. Но не они

заставили его буквально остолбенеть от удивления, а те, кто был их тюремщиками.

Нет, он, конечно, много читал романов в стиле фэнтези и успел, как говорится, вычитать множество описаний всяких там гномов, эльфов, орков. Но чтобы вот так, воочию увидеть этих самых орков? Что самое интересное, никто другой на ум почему-то не шел — именно орки.

Существа, обнаруженные им на поляне, вполне походили на людей, разве только все ростом около двух метров. Кожа их была не зеленой, как принято считать всеми подряд писателями, а медно-красной. В общем, своим обличьем они полностью походили на людей, вот только лица или, точнее сказать, морды... Приплюснутый, как пятак у свиньи, нос, впрочем, скорее нечто среднее между пятаком и вывернутыми наружу ноздрями гориллы, выдвинутая вперед челюсть с клыками, сверху и снизу выступающими за пределы тонких губ, едва прикрывающих крепкие зубы. Маленькие пороссячьи глазки под массивными надбровными дугами. Волосы, подстриженные под ежик на манер гребней на античных шлемах, шли ото лба до конца шеи, как грива у лошади. Рук отсюда он рассмотреть не мог, но был уверен, что на пальцах вместо ногтей обнаружатся самые настоящие когти.

На полянке наблюдалось четверо особей, стоявших рядом и хохотавших от души. Именно этот звук и слышал Андрей. Вид у этой четверки был весьма колоритным. Все они были в доспехах. Да-да, именно в доспехах. Всех деталей рассмотреть он не мог, но то, что это доспехи и что они сделаны из кожи и металлических пластин, сомнений не вызывало. Каждый из них был вооружен ятаганом с широким изогнутым лезвием, который висел на поясе. Также на поясе у каждого были ножны с довольно внушительным ножом. На одном из них был металлический остроконечный шлем с полумаской, оставляющей открытой только челюсть. А смеялись они над пятым, который, привязав к поваленному дереву девушку, спустил штаны и, пристроившись сзади, ритмично работая задом, удовлетворял свою похоть, или сбрасывал напряжение, это уж как кому.

Все было понятно как дважды два. Вот враги, а вот люди, и чью он должен занять сторону — попросту не обсуждалось, все приоритеты расставились сами собой.